

Пейзаж с зимородком

Текучка дней – равнинная река,
где одеснУю – купы ивняка,
за ивняком сезонные картины:
весною, летом, осенью – луга,
зимою – бесконечные снега;
ошУюю – обрыв для Катерины.

Рутину намотало на весло,
поскольку лодку в заводь отнесло;
клюют подряд серебряные рыбы,
река впадает в небо вдалеке,
сверкает зимородок в ивняке;
и визы нет, и не нужны Карибы.

Серебряные рыбы – несть числа;
всё золото ушло на купола,
молчание, денёчки, середину.
На поплавке застыла стрекоза
и солнце, раньше бившее в глаза,
прошло зенит и припекает спину.

За три минуты шапкой на ворЕ
сгорает тучка, ёмкое тире
вместило реку, заводи и лодку,
приезд–отъезд, уху на серебре;
мой младший сын родился в январе –
привет от зимородка зимородку.

Пью посошок за здравие воды,
читаю водомерочьи следы,
считаю отбиваемые склянки.
В текучке дней, законопатив течь,
мне удаётся снова камень с плеч
использовать для якорной стоянки.

Японское

Пренебреги прощальными кругами,
лети, птенец из рода Оригами,
крылом бумажным синеву кромсай;
теснО гнездо на дереве-бонсай.

Под сакурой охотник узкоглазый
прищурился, прицелился, промазал,
махнул рукой, сказал «япона-мать»,
и вдругорядь уже не стал стрелять.

Лети повыше, времена жестоки;
используй восходящие потоки,
потокам нисходящим веры нет.
На стапеле, из утренних газет

уже заложен новенький кораблик
и мы с тобою встретимся, журавлик;
меня легко узнаешь по саке
в одной руке и во второй руке.

Водолей

Посуду сдать – и хватит, в аккурат –
купить для птички фотоаппарат
и заказать камин для саламандры;
пусть каждая совьёт своё гнездо;
зажгу огонь (распевочное «до»
возьмёт труба) и буду слушать мантры.
И нота «до» не нота, а предлог
уйти в себя, и выйти под залог
намоленного места на погосте,
и на свободе, в золото углей,
остаток дореформенных рублей
переплавлять без жалости и злости.

Мозг заражён, и вирусами слов
выглядывают мысли из углов,
в сухом итоге не хватает точки;
на что надеюсь, что держу в уме –
уже не помещается в суме
рождённого с сумою и в сорочке.

Судьба моя, дай время подрасти,
чтобы набрать и удержать в горсти
январских звёзд мерцающее млеко –
оплату за желания твои:
от цвета розы в золотом Аи
до ауры Серебряного века.

Часы (клепсидра) оттепели ждут;
я вижу время – можно из минут
лепить снежки, минуты не жалея.
Жаль только – птичка рвётся из гнезда
лететь туда, где время и вода
рождаются в кувшине Водолея.

Ожидание зимы

Отраженье моё, не молчи, расскажи,
как у самой земли, наклоня крыло,
за моею спиной пролетают стрижи,
состригая всё то, что былём поросло.

В сенокосной росе, в сеновальной пыли
обонянием, зрением, слухом лови
остывающий зной разнотравья земли
и ромашек рефрен о любви-нелюбви.

Много было всего, иногда через край:
от кукушкиных слёз до анютиных глаз;
обещает зима формалиновый рай,
ослепительный мир ослепительных страз.

Циферблат на двенадцать не нами делён,
тайный лаз для закатного солнца готов,
черноглазо глядит из оврага паслён,
свесил голову в сумерки болиголов.

Наштампует Дальтон чёрно-белых гравюр,
непривычно скудны дорогие черты;
у грядущего месяца зимний прищур -
самый первый симптом цветовой слепоты.

Всё войдёт междустроцием в новый завет;
отраженье моё, от пастушьей сумы
на затёкшем плече отпечатался след,
он от летних забот и пройдёт до зимы.

Керосиновая лампа

Освещает «летучая мышь»
две сажени далёкой эпохи,
и такая вселенская тишь,
что душа замирает на вдохе.

Пресмыкается тень на полу –
фитилёк экономно подкручен,
приглашай-ка хозяйка к столу,
что-то вечер становится скучен.

Посидим по-соседски вдвоём,
постелив рушники на колени,
и очерченный светом объём
не уступит ослиной шагрени.

Керосиновой лампы плейбой,
добрый молодец узкого круга,
мы едва ли узнаем с тобой
в электрическом свете друг друга.
...нет не голос, и не силуэт,
не черты, не расхожие штампы,
а всё то, что стремится на свет
и тепло керосиновой лампы.

Диптих

Высокий берег медленной реки,
колосья ржи, тропинка, васильки,
туманных далей романтичный флёр,
и женщина, несущая обед,
торопится налево, за багет,
где ждёт её прихода комбайнёр.

Он предвкушает встречу и еду,
он присмотрел уютную скирду,
но мы-то знаем – волею судеб
мгновение застыло напоказ;
окончен диптих, выполнен заказ
и женщина не переломит хлеб,

и не разложит сало на ломте,
и будет каждый на своём холсте
напрасно ждать и каменеть лицом,
и пальцами, отстукивая такт,
осознавать неоспоримый факт
того, что есть заказчик над Творцом.

Он разговор ведёт через губу,
он в книге судеб выберет судьбу,
заложит на странице василёк,
на землю бросит кости из горсти,
и выпадает – поле перейти,
кто хочет – вдоль, кто хочет – поперёк.